

УДК 81-11

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Балакин Сергей Владимирович

д. филол. н., доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки и межкультурные коммуникации»

Уральский государственный университет путей сообщения

620000, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66. SBalakin@usurt.ru

Понятие деривации, введенное в лингвистический обиход в 30-х гг. прошлого века, оказалось чрезвычайно плодотворным для исследования динамических процессов, происходящих в языке и речи. Исследования отечественных и зарубежных исследователей не только показали, что языковые единицы обладают потенциалом к изменениям, но и выяснили, что этот потенциал сочетается с интерпретационным, номинативным и гносеологическим потенциалом. Последний наиболее ярко проявляет себя при концептуальной деривации.

Ключевые слова: деривация; потенциал; концептуальный уровень; сужение; расширение; углубление; детализация.

Понятие «деривация», используемое первоначально преимущественно для характеристики словообразования, в дальнейшем было экстраполировано на процессы образования в языке любых вторичных знаков, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определенных правил, операций [Солнцев 1977: 23].

Экстраполяция рассматриваемого понятия на единицы различных языковых уровней способствовала активному развитию теории деривации прежде всего по экстенсивному пути. Как отмечает один из известных представителей отечественной дериватологии Л.Н. Мурзин, в 60-х годах термин «деривация» был переосмыслен и приобрел значение всеобъемлющего, универсального принципа построения грамматики [Мурзин 1991: 37]. Попытки выявить характер деривационных процессов, а также определить их место и роль в развитии языка, в течение достаточно долгого времени проводившиеся наиболее активно на морфологическом уровне, в 60–70-е гг. наблюдаются и во многих синтаксических исследованиях (в том числе таких крупных отечественных лингвистов, как В.А. Белошапкова, С.Д. Кацнельсон, О.И. Москальская, Л.Н. Мурзин и др.), последовательно раскрывающих и отстаивающих идею о существовании в синтаксисе производящих и производных единиц. Таким образом, можно сказать, что самостоятельный статус приобретает не только **деривационная морфология** [Мурзин

1991: 37], но и **деривационный синтаксис**. В.С. Храковский отмечал, что «деривационный синтаксис как самостоятельное лингвистическое направление сформировался в результате сплава идей трансформационной грамматики и традиционных представлений о парадигматике и формообразовании, перенесенных из морфологии в синтаксис» [Храковский 1991: 47].

Наряду со словообразовательными механизмами, лежащими в основе морфологической деривации (исследованными в работах таких лингвистов, как Е.С. Кубрякова, В.М. Никитевич, Ю.Г. Панкрац, И.С. Улуханов, З.А. Харитончик, В.Н. Хохлачева и др.), на лексическом уровне изучаются и различные виды **семантической деривации**, не затрагивающей формы производящего слова. Понятие семантической деривации, введенное Д.Н. Шмелевым в 60-х гг. прошлого века, стало одним из основополагающих понятий дериватологии, объединяющим разные процессы развития лексической семантики.

Процессы семантического преобразования слова интересовали многих лингвистов, как зарубежных, так и отечественных (см работы Ш. Балли, Л. Блумфильда, В.Г. Гака, С.Д. Кацнельсона, Е. Куриловича, А.А. Потебни, С. Ульманна, Д.Н. Шмелева и др.). В их трудах проявляются различные подходы к изучению этих процессов. Так, С. Ульманн рассматривает семантическую деривацию как семантический сдвиг, который происходит на основе четырех принципов: антропоморфизм, абстрактность –

конкретность, зооморфизм, синестезия [Ульманн 1970: 267]. Л.Н. Мурзин выделяет три основных вида семантической деривации: смещение, метонимизацию, метафоризацию [Мурзин 1972: 363–365]. Попытки упорядоченного представления видов семантической деривации отмечаются и в современных исследованиях. Например, М.Н. Лапшина вводит понятие **семантического переосмысления слова**, которое, по ее мнению, объединяет семантический сдвиг и семантический перенос. Семантический сдвиг, по М.Н. Лапшиной, заключается в сужении или расширении значения лексемы, а семантический перенос – в метафорическом и метонимическом переосмыслении. Переходным деривационным видом между семантическим сдвигом и семантическим переносом является семантическое смещение [Лапшина 1996: 97].

«Экспансия» деривационного подхода проявляется в его применении не только к равноуровневым языковым единицам, но и ко все более широкому набору единиц каждого из уровней. Так, на лексическом уровне исследование деривационных процессов проводится и в области диалектологии (Т.И. Ерофеева, Е.Н. Полякова), и на материале сленга (Ю.К. Волошин, Л.А. Русецкая и др.), и при изучении окказионализмов (Т.А. Гридина, Е.А. Земская и др.), и в терминоведении, когда терминологизация рассматривается как один из механизмов семантической деривации абстрактных имен существительных (Г.П. Кузикович). Важную роль играет деривационный подход и при исследовании семантических процессов во фразеологических единицах (А.М. Бабкин, Ю.А. Гвоздарев, А.В. Кунин, А.И. Молотков, Г.Г. Соколова). В частности, в работах по фразообразованию учитывается тип деривационной базы формирования фразеологических единиц (термин Ю.А. Гвоздарева), в зависимости от которого выделяют первичную или вторичную фразеологизацию. Другой аспект **фразеологической деривации** заключается в «образовании новых значений слов на базе значений фразеологизма» [Гвоздарев, 1977: 13].

Одну из особенностей развития деривационных исследований на лексическом уровне можно определить как выделение своеобразных векторов семантического развития слов. Например, Э. Хипписли, анализирующий суффиксальное образование экспрессивных существительных в русском языке, говорит об «экспрессивной деривации» [Хипписли 1995: 524]; В.И. Шаховский изучает «деривацию эмотивных смыслов»: речь идет, в частности, о деривации «по принципу “эмотивного наведения” таких смыслов на се-

мантику слова в рамках малого синтаксиса» [Шаховский 1991: 263]. Автор отмечает, что «проблема “наведения” сем как способа семантического расширения слова, изменения его семантической конфигурации, его переосмысления включает в себя исследование способов, средств и форм “наведения” денотативных и коннотативных (эмотивных) сем» [там же: 263].

Важным этапом в развитии теории деривации является ее «выход за пределы» языковой системы: в лингвистических исследованиях 90-х гг. XX в. деривационный подход активно используется при анализе текста (С.В. Алексеева, А.Г. Баранов, О.П. Воробьева и др.), а также делаются попытки его применения к изучению речевых актов (Л.А. Месеняшина). В центре внимания ученых оказываются деривационные механизмы текстообразования и формирования речевых актов. Так, С.П. Денисова, вслед за Л.Н. Мурзиным, квалифицирует механизм текстообразования как «семиотический процесс, продуктом которого является текст, разделяющий основные свойства знака» [Денисова 1991: 76]. Рассматривая текст как «слепок прототипического коммуникативного акта, в свернутом виде содержащий в себе все компоненты коммуникативной цепи, и как отпечаток процессов их порождения и взаимодействия» [Воробьева 1991: 17], О.П. Воробьева выделяет шесть дополняющих друг друга деривационных моделей текста, отражающих сложность и многоаспектность этого объекта исследования.

Эффективность деривационного подхода к изучению разнообразных явлений языка и речи свидетельствует о большой объяснительной силе теории деривации. Не вызывает сомнения то, что «эвристическая ценность дериватологии» [там же: 17] еще не раз будет подтверждена в процессе развития лингвистики. На наш взгляд, одним из новых объектов ее применения могут стать прецедентные феномены. Известно, например, что при устойчивости структуры (как одном из признаков прецедентных высказываний) последние подвергаются в речи разнообразным трансформациям, в результате которых образуются производные варианты канонического высказывания, которые так же, как и оно, могут приобретать статус прецедентных.

Постоянное «расширение» объекта исследования, выявление особенностей деривационных процессов, характерных для языковых и речевых явлений разных уровней, разумеется, способствовало развитию теории деривации не только по экстенсивному, но и по интенсивному пути. Выявленные закономерности деривации единиц одного уровня проверялись (и, как правило, под-

тверждались) в приложении к единицам других уровней, что дало возможность сформулировать общие принципы деривации в языке и речи, определить ее место и роль в развитии языка и в речепроизводстве. Так, **методика синхронной реконструкции деривационного акта**, разработанная Е.С. Кубряковой при анализе процессов словообразования (см., например, [Кубрякова 1980]), доказала свою валидность и при исследовании деривационных процессов, проявляющихся на других языковых уровнях и в речи. Данная методика заключается в том, чтобы представить производные знаки языка в виде конечного продукта формальной операции или серии операций, совершенных для достижения функционально-семантического сдвига в исходной единице [там же]. **Деривационный метод**, примененный Л.Н. Мурзиным для описания синтаксических явлений, оказался эффективным и при исследовании деривационных процессов, происходящих на других уровнях, например, при анализе семантических производных иронических высказываний [Чарный 1991]. Выявленные на лексическом уровне **механизмы семантической деривации** получили дальнейшее развитие и конкретизацию при изучении деривационных процессов в тексте. На разных языковых уровнях и на материале текста строятся **деривационные модели**.

Интенсивная разработка теории деривации отразилась в развитии и упорядочении ее терминологического аппарата, а также в определенной унификации метаязыка исследования.

Новый этап в развитии теории деривации связан с когнитивным направлением: в когнитивных лингвистических исследованиях последних лет понятие деривации экстраполируется на единицы концептуального уровня. Под концептуальной деривацией понимается «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека» на основе уже существующих концептуальных образований [Бабина 2007: 86].

Все элементы концептуальной системы с точки зрения деривации можно разделить на два больших класса: зона-донор и зона-реципиент, а каждый отдельно взятый конструкт знания (концепт) можно рассматривать соответственно как концепт-донор или как концепт-реципиент. Концепт-донор должен обладать определенным деривационным потенциалом, т. е. способностью переносить свою структуру (или ее часть) на концепт-реципиент, перестраивая его структуру. В свою очередь, концепт-реципиент по своей природе должен обладать «пропускной способностью», то есть способностью «пропускать»

через свою структуру информацию, поступающую извне и менять свою «форму».

При изучении деривационных процессов на концептуальном уровне мы считаем целесообразным ввести понятие **деривационного узла** как особой точки роста, в которой создаются наиболее благоприятные условия для развития концепта.

На концептуальном уровне, в отличие от языковых деривационных процессов, сужения и расширения связаны не с семантикой слова, а с изменениями в структуре концепта. Так, при **расширении** структура концепта пополняется в результате действия когнитивного механизма метонимии новыми элементами, развивающимися на основе старых, входящих в его состав. В структуре макроконцепта появляются новые концепты базового и субординатного уровней. Концепты базового уровня рассматриваются нами как производные единицы, образованные на базе производящей основы – концепта суперординатного уровня – в результате его взаимодействия с другими концептами. Микроконцепты как производные единицы возводимы непосредственно к соответствующим концептам базового уровня: микроконцепты формируются на базе производящей основы (т. е. концепта базового уровня) за счет профилирования тех или иных концептуальных признаков, которые и создают деривационные узлы разных мощностей.

Естественно, что результаты концептуальной деривации по типу расширения отражаются на вербальном уровне, но это отражение не обязательно является зеркальным: лексические единицы, репрезентирующие элементы **концептуальной** «деривационной цепочки», не всегда могут рассматриваться как элементы, связанные деривационными отношениями на языковом уровне (ср., например, *футбол, регби, гольф, поло* как микроконцепты базового концепта *спортивные игры*).

Деривационный процесс противоположной направленности – **сужение** – имеет место при исчезновении одного из элементов концепта. Например, в русской лингвокультуре в макроконцепте ИГРА исчез базовый концепт *салонные игры*, а в базовом концепте *детские игры* – такие микроконцепты, как *игра в озябушки, игра в гуплючки* и др.

Кроме процессов расширения и сужения, мы выделяем на концептуальном уровне третью разновидность деривационных процессов – **углубление**. Углубление – это такой деривационный процесс, при котором структура концепта усложняется («углубляется») за счет появления у концепта новых концептуальных признаков,

объективируемых, как правило, во фразеологических и паремиологических единицах метафорического и метонимического характера. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, паремии и фразеологизмы, которые включают лексему, номинирующую концепт, входят в его «номинативное поле», поэтому анализ их значения «позволяет установить определенные признаки соответствующего концепта» [Попова, Стернин 2006: 128–129].

В исследованном нами макроконцепте ИГРА деривация по типу углубления наиболее активно происходит в базовом концепте *азартные игры*, где она проявляется в выделении концептуальных признаков, характерных для одного из основных элементов пропозиционального фрейма *играть в азартную игру – объект*. Деривация по типу углубления на языковом уровне репрезентируется двумя основными моделями – метонимической и метафорической, которые проявляются в большом количестве фразеологических единиц (*сделать ход конем, играть белыми/черными, быть пешкой в чьей-то игре, играть по-крупному, поставить все на кон, вывести из игры* и т. д.).

Процессу углубления структуры макроконцепта способствует, на наш взгляд, и его взаимодействие с другими концептами. По мнению Л.В. Бабиной, процесс концептуальной деривации при таком взаимодействии подразделяется на два этапа. На первом этапе концепт переходит в «состояние взаимодействия с другим концептом», что служит «пусковым механизмом» концептуальной деривации. Второй этап знаменуется поиском соответствующего обоснования для взаимодействия концептов, осуществление которого становится возможным благодаря способности концепта выступать и как ментальное пространство, и как ментальная область [Бабина 2003: 62]. Направление изменений, которые претерпевают исходные концепты, зависит от потенциальности концепта, а также от влияния взаимодействующего с ним концепта [там же: 61].

Деривационные узлы как средоточие потенци того или иного элемента структуры концепта то активизируются, то «затухают». При этом важно отметить, что в «памяти» концепта сохраняется «угасший» деривационный узел. Следы его можно найти в виде отдельных сохранившихся элементов. Это означает, что при благоприятных условиях он может снова активизироваться. Пусковым механизмом активизации деривационных узлов являются разнообразные экстралингвистические факторы. Так, достижения последних десятилетий в области телекоммуникационных средств привели к появлению

совершенно новых **объектов** игры и к формированию в структуре рассматриваемого макроконцепта нового концепта базового уровня – *электронные игры*.

Сказанное означает, что построение определенных моделей концептуальной деривации должно базироваться на динамической характеристике не только действующих, но и потенциально заложенных элементов концептуальной структуры, чтобы определить тот потенциал, на основе которого в процессе концептуальной деривации производятся и воспроизводятся новые элементы. Мы считаем, что единицы языкового и концептуального уровней не только обладают «мощностью» тех элементов, которые характерны для них в данный момент состояния языковой/концептуальной системы, но что потенциально в ней содержатся и элементы, утратившие в изменившихся социально-исторических условиях свою значимость. Они как бы «затухли», но в определенный момент готовы опять «разгореться», давая тем самым импульс для деривационных процессов.

Если выявлению особенностей деривации на разных языковых уровнях посвящено большое количество работ и, можно сказать, к настоящему времени сложилась достаточно стройная теория деривации языковых единиц, то изучение деривационных процессов на концептуальном уровне находится еще в начале пути. Важность концептуального вектора развития теории деривации не вызывает сомнений, поскольку деривационные процессы в языковых единицах определяются той «мощностью», которая заложена в вербализуемых этими языковыми единицами концептах.

Развитие теории деривации на концептуальном уровне способствует дальнейшему раскрытию ее гносеологического потенциала и открывает новые возможности в исследовании сущности и особенностей деривационных процессов, происходящих в языке и дискурсе.

Список литературы

- Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов; Москва: Изд-во Тамбовск. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2003. 246 с.
- Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4(013). С. 86–91.
- Воробьева О.П. Принцип деривации в текст-лингвистических исследованиях // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1991. С. 7–18.

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования / Ростовск. гос. ун-т. Ростов/Д, 1977. 184 с.

Денисова С.П. Приемы «выдвижения» как способ порождения интимизированного повествования // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1991. С. 76–77.

Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 81–155.

Лапишина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: на материале английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. 331 с.

Мурзин Л.Н. Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1972. С. 362–366.

Мурзин Л.Н. Об основаниях деривационной грамматики // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1991. С. 37–39.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 341 с.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 250–299.

Хипписли Э. Наследование по умолчанию и словообразование: экспрессивная деривация в русском языке, представленная в DATR // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы международной конференции. М.: Филология, 1995. Т. 2. С. 524–526.

Храковский В.С. Деривационный синтаксис и его исходные единицы // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1991. С. 47–49.

Чарный Ю.М. К вопросу о принципе деривации // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1991. С. 49–50.

Шаховский В.И. О деривационном принципе «эмоционального наведения» // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике: тезисы докладов / Ин-т языкозн. АН СССР; Перм. гос. ун-т. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1991. С. 263–265.

GNOSEOLOGICAL POTENTIAL OF CONCEPTUAL DERIVATION

Sergei V. Balakin

**Professor, Head of Foreign Languages and Multicultural Communication Department
Ural State University of Railway Transport**

The concept of derivation, introduced into linguistic usage in the 1930s, proved to be extremely fruitful for the study of dynamic processes occurring in language and speech. The studies of domestic and foreign researchers have shown that linguistic units not only possess the potential for change, but this potential also turned out to be combined with interpretative, nominative and epistemological potential. The latter manifests itself most vividly in conceptual derivation.

Keywords: derivation; potential; conceptual level; narrowing; expansion; deepening; destabilization.